**И. А. ТРУШИНА**

# ОПТИНА ПУСТЫНЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:**
*Оптина Пустынь, творчество Гоголя, православие, духовная культура*

В статье исследуются причины обращения Н. В. Гоголя к православию, описывается роль одной из святынь Русской Православной Церкви — Оптиной Пустыни в жизни великого писателя. Автор считает, что именно в Оптиной Пустыне Гоголь черпал идеи о цельности духовной культуры, ее религиозном обосновании, об устроении человеческого общества на основах церковной соборности, о преображении мира путем внутреннего просветления человека.

**KEY WORDS:**
*Optina Solitude, oeuvre of Gogol, Orthodoxy, spiritual culture*

The reasons expounding why N. V. Gogol turned to Orthodoxy are investigated in the article. The role of the Optina Solitude, which is one of the Holy places of the Russian Orthodox Church, in the life of the great writer is described as well. The author judges that it was just the Optina Solitude that had let Gogol to draw the ideas of integrity of spiritual culture, its religious background, about the structure of human society based upon the principles of church collegiality, about the world transformation by means of inner enlightenment of a human being.

*«Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу, и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской Пустыни...»*

Н. В. Гоголь

Гений — одна из тайн, которую человечество безуспешно пытается понять, но всякий раз, находя бесконечное число ответов, остается в недоумении. Вот уже 200 лет не одно поколение исследователей разгадывает загадку, которой стали для современников и потомков жизнь и творчество Н. В. Гоголя, его трагическая судьба. Уже современники понимали, что Гоголь — и человек, и художник — парадоксален, ни с кем не сравним и не подводим под какие-либо теории. В Нежинской гимназии, где учился Гоголь, его называли «таинственным Карлой», чудаком. А. Блок в статье «Дитя Гоголя» писал: «Если бы сейчас среди нас жил Гоголь, мы относились бы к нему так же, как большинство его современников: с жутью, беспокойством... Непобедимой внутренней тревогой заражает этот единственный в своем роде человек: угрюмый, востроносый, с пронзительными глазами, больной и мнительный» [1, с. 293–298]. В своих столь непохожих друг на друга произведениях: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба», «Вий», «Ревизор», «Мертвые души», «Шинель», «Нос», «Записки сумасшедшего» и др. удивительный талант Гоголя

проявляется по-разному, то поражая читателя богатством языка и колоритностью украинской темы, то увлекая фантастикой петербургских повестей, то вызывая смех в «Ревизоре» и «Мертвых душах»... Но есть во всех этих произведениях нечто общее, нечто такое, что заставляет отрывать свой взор от живописной картины украинской ночи, с которой могут соперничать разве что полотна А. Куинджи, ее сладкозвучных украинских песен, что-то настораживает, мешает наслаждаться этой красотой. За произведениями постоянно появляется личность автора, странная и противоречивая, ускользающая от пристального взгляда. В. Розанов видел в Гоголе зловещую фигуру: «Дьявол вдруг помешал палочкой дно и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков... Это пришел Гоголь. За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы. "Лишние люди". Тоскующие люди. Дурные люди» [2, с. 442].

Возможно, виной всему стала загадочная русская душа, в которую, как в темный омут, не побоялся и заглянул Гоголь, и то, что он там увидел, навсегда лишило покоя его собственную мятущуюся душу. Всю свою жизнь он пытался выразить увиденное, но образ ускользал, вместо него появлялись чичиковы, маниловы, ноздревы, словно в дьявольской пляске метели возникали их ужасные лица, заставляя то смеяться над ними, то содрогаться от ужаса. Вспомним его признание в «Авторской исповеди»: «На меня находили припадки тоски мне самому необъяснимой... Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать» [3]. Но смешное постепенно переставало быть смешным. Пушкину стало грустно за Россию после прочтения «Мертвых душ», Гоголь смеялся. Что-то в этом взгляде было изначально неверное, порочное, с наслаждением отыскивающее недостатки и зло в людях. Д. Мережковский удачно сравнивает Гоголя с героем андерсеновской сказки, которому в глаз попал осколок дьявольского зеркала, что превратило сам процесс творчества писателя в постоянную борьбу с собой, со своими бесами, вечный поиск себя, своего места в этом мире. Гоголь с поразительной четкостью видел мир темных сил, он был им словно загипнотизирован, его взгляд был прикован к нему. У него было особое чутье, как бы особый орган восприятия зла в мире и в самом себе. Страшный дар, за который Гоголю пришлось заплатить высокую цену, ибо этот взгляд был лишен самого главного — любви, той самой прощающей, всему верящей, милующей любви, без которой нет у человека права ни осуждать, ни судить. Возможно, именно отсюда тот постоянный надрыв, отчаяние, периоды, когда он сам себе становился противен: «Вам около меня грязно, амне с собой страшно»[4]. Сердце Кая в последнее мгновение спасли слезы Герды. Гоголь был одинок на своем пути, в последнее мгновение его сердце смог согреть только огонь его рукописей.

Был, конечно, и свет, как в жизни, так и в творчестве Гоголя — об этом свидетельствуют многие места «Размышлений о Божественной литургии», «Переписки», «Арабесок» и др. Но в его произведениях этот свет не играл по силе и значительности роли антитезы тьмы. И в этом мучительном противостоянии Гоголь просит только об одном: «Путь мой труден; дело мое такого

рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо и силы мои не только ничтожны, но их нет без освеженья свыше... Ради Христа, обо мне молитесь» [5].

Вторжение в жизнь людей демонического начала и отчаянная борьба с ним — лейтмотив всех его произведений. На исход этой борьбы автор смотрит с безнадежностью: в «Вечере накануне Ивана Купала» побеждает Басаврюк; в «Страшной мести» все, прикоснувшиеся к злой силе, осуждены на гибель (Данило, Катерина, ее маленький сын), умирают Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках», гибнет Тарас с двумя своими сыновьями в «Тарасе Бульбе», сходит с ума и умирает художник Чертков в «Портрете», сходит с ума и перерезывает себе горло художник Пискарев в «Невском проспекте», сходит с ума чиновник Поприщин в «Записках сумасшедшего». Из страшного мира, в котором властвует зло и царит смерть, уйти некуда. Пытается спастись бегством Хлестаков, бежит Чичиков... Дорога, в ней спасение, как будто временная победа над пространством и временем. Может быть, именно поэтому постоянно в дороге, в переездах и сам автор. «Видно, на то воля Божья, и мне нужно более, чем кому-либо, считать свою жизнь беспрерывной дорогой... Не прошло пяти месяцев по прибытии моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться чувству, мне самому непонятному... Я знал только, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорее, чтобы натерпеться, точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее» [6].

Вот в этом «добуду любовь», по мнению В. Мочульского [7], возможно, и кроется причина того душевного мрака, который окутывал душу писателя, — ему постоянно приходилось «добывать любовь», без которой никому не удается преодолеть плен человеческих пороков. А отсюда такой холод, сарказм, ирония, смех и слова, огромное количество слов о любви к ближнему вместо самого чувства. «В несколько раз выше подвиг того, — пишет Гоголь, — кто не получая благодати, не отстает от Бога и выносит крест, тягчайший всех крестов — крест черствости душевной» [8]. До самой смерти Гоголь, страстно стремившийся делать добро и служить ближним, был лишен простой непосредственной любви к людям. Он должен был «насильно» любить, «насильно» быть добрым. Что мешало этому? Возможно, страх, тот леденящий, убивающий душу страх, который всю жизнь преследовал писателя, день за днем разрушая его жизнь. Любовь — это ведь тоже загадка для человечества, но здесь есть аксиомы. Одна из них состоит в том, что любовь и страх имеют разную природу, они не совместимы. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершенен в любви», — говорит апостол Иоанн [9]. Для Гоголя полюбить тождественно смерти. Влюбленному Данилевскому он пишет: «Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбе, не удалось испытать. Я потому говорю: благодаря, что это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновение» [10]. Гоголь

боялся сгореть в пламени страстей, как псарь Микита в «Вие» сгорает действительно. Влюбившись в ведьму-панночку, он позволяет ей положить на него свою ножку. «Панночка подняла свою ножку, и как увидел он ее нагую, полную и белую ножку, то, говорит, чара так и ошеломила его. Он, дурень, нагнул спину и, схвативши обеими руками за нагие ее ножки, пошел скакать, как конь, по всему полю» [11]. Финал печален: «Когда раз пришли на конюшню, то вместо него лежала только куча золы да пустое ведро: сгорел совсем, сгорел сам собою» [12]. Страх смерти преследовал писателя с детских лет. Ради жизни он готов отказаться от любви, но оказывалось, что без любви не получалось и подлинной жизни... «Две половинки его души, светлая и темная, были: любовь и безлюбость, религиозное горение и безблагодатность. Это трагическое противоречие можно проследить в отношениях Гоголя к друзьям: то самоотверженное служение, то холодное доктринерство; жутко читать некоторые письма его к Погодину, Аксакову, сестрам, но особенно поражают перебои заботливости и бессердечности в переписке с матерью» [13]. Видимо, поэтому в произведениях Гоголя нет ни одной истории любви, нет ее и в его жизни, его описания женщин — это скорее шаржи, чем художественные образы. Только в «Вие» он пытается взглянуть на женщину как художник, но ее красота оказывается мертвой: «Перед ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы в такой резкой и вместе гармонической красоте... Но в них же, в тех же самых чертах, он видел что-то страшно пронзительное. Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и закружившейся толпы запел кто-нибудь песню похоронную» [14].

Женская красота — отправная точка для понимания красоты в мире и источник мучений для Гоголя. Он приходит к выводу о том, что красота — божественного происхождения; но сейчас торжествуют демонические силы и они исказили этот мир, изуродовали красоту, превратив красавицу в блудницу («Невский проспект»), любовь — в дьявольское наваждение. Принять такую жизнь нельзя, в ней только мрак, тьма, злое начало. А писатель мечтал создать нечто положительное, яркое, дающее неизреченный мир и покой, которых так не хватало и его собственной измученной душе. Он хочет изменить жизнь, и свое предназначение как писателя и гражданина Гоголь видел именно в этом. Реализации этой цели посвящена вся вторая половина его жизни.

Одновременно возникает второй аспект проблемы — облик самого писателя, состояние его души, его ответственности за сказанные слова. Чтобы творить красоту, нужно самому быть прекрасным, быть цельной и нравственной личностью; его жизнь должна быть столь же совершенна, как и его искусство, ибо служение красоте есть нравственное дело и религиозный подвиг. Чтобы исполнить долг перед человечеством, возложенный на него, писатель должен просветить и очистить свою душу, вырваться из мрачного круга своей судьбы. Гоголь хотел стать не только великим художником, но и учителем нравственности, и христианским подвижником, и мистиком. Он пытает-

ся разрешить вопрос, в чем состоит то нравственное совершенство, к которому он намерен вести своих читателей, и ответ на этот вопрос он находит в Евангелии и в писаниях святых отцов церкви. Ссылаясь на книгу Фомы Кемпийского, в письмах своим давним приятелям С. Т. Аксакову, М. Н. Погодину, С. П. Шевыреву Гоголь советует хотя бы один час проживать «внутреннею, сосредоточенною в себе жизнью», поступать так, как поступал Христос, бывши на земле: приносить утешительное слово, исцелять болящие души людей, указывать путь к спасению [15].

С начала 1840-х гг. религиозные настроения, свойственные ему и ранее, начинают в нем преобладать. В поисках ответа на эти вопросы писатель обращается к православию. «Мы вообще знаем плохо нашу церковь, — пишет Гоголь. — Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы его почувствовать, но не знаем даже, где положили его. Церковь... одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши» [16].

Об этой второй половине жизни Гоголя шло много споров. Кто-то считал, что Гоголь просто сошел с ума, кто-то усматривал в этом фальшь, игру самолюбия. В. Розанов заметил: «Гоголь был, конечно, болен нравственными заболеваниями от чрезмерности душевных глубин своих. Его трясло как деревню на вулкане. Но в чем секрет вулкана, из которого сверкали по ночному небу зигзаги молний, текла лава, сыпался песок и лилась грязь: этого, не заглянув туда, нельзя сказать. А заглянуть — тоже нельзя» [17].

Но так ли уникально и случайно было обращение писателя к православию? Возможно, Гоголь своей обостренной интуицией сумел почувствовать и передать те глубинные процессы, которые происходили в России в то время, обозначив два противоположных направления развития русской культуры. В начале XIX в. для России, попавшей после петровских преобразований на некоторое время под влияние Запада, наступило то время умственной зрелости, когда в лице наших лучших мыслителей она могла освободиться от подражательности и, осознав свои национальные и исторические цели, выйти на самобытный путь. Настал период, когда нужно было выбирать, что должно стать определяющим вектором ее дальнейшего развития. И особенно важным был вопрос о месте духовной православной традиции, которая бережно сохранялась и развивалась в святоотеческом предании, несмотря на жестокое гонение, которому она подверглась в XVIII в. Речь идет о русском старчестве, являющимся стержнем православной духовности, своего рода квинтэссенцией православия. «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением», — писал А. С. Пушкин [18].

Своими историческими корнями этот феномен восходит к IV–V вв. — периоду зарождения православной аскезы в Египте и Палестине — и связан с деятельностью ее первых создателей и учителей (свв. Антония Великого, Макария Великого, Иоанна Златоуста, свв. Нила Анкирского, Иоанна Кассиана, Ефрема Сирина и др.) Воспроизводя на российской почве главнейшие, классические черты феномена мистико-аскетической традиции, русский исихазм богат и чертами своеобразия, наиболее яркой выразительницей которых

стала Оптина Пустынь. Старчество в Оптиной Пустыни берет начало от схиархимандрита Паисия Величковского, молдавского старца, возродителя духовного делания в монашестве, выходца из Полтавской губернии. Из Рославльских лесов в Оптину переселились его последователи во главе с иеросхимонахом Львом. Старец Лев, могучий и властный, открывает ряд старцев. Его ученик и сотаинник о. Макарий возглавляет группу ученых и литераторов — монахов и мирских лиц, которые обрабатывают и перекладывают на литературный язык переводы писаний величайших аскетов древности, сделанные старцем о. Паисием с греческого языка. При старце о. Амвросии — ученике о. Льва и о. Макария — Оптина достигает расцвета. Слава о монастыре гремит по всей России. В него устремляются со всех концов ее. К старцам в Оптину шли за утешением, исцелением, за советом, руководством, указанием. К ним шли те, кто запутался в своих житейских обстоятельствах или в философских исканиях, те, кто жаждал высшей правды. Выдающиеся мыслители эпохи, философы, писатели побывали там: братья Киреевские, позже — Толстой, Достоевский, Соловьев, Леонтьев... Всех не перечесть. Был там и Гоголь, который так нуждался в утешении и молитве старцев. «...Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне», — писал он к иеромонаху Оптинского монастыря о. Филарету [19].

В начале XIX в. Оптина Пустынь стала центром духовного возрождения русской культуры, где сошлись и высший духовный подвиг внутреннего делания, и служение миру в его духовных и житейских нуждах. Это возрождение имело всю полноту духовной жизни. Душою же всего и инициатором был старец Макарий. Под его влиянием И. В. Киреевский закладывает основание философии «цельности духа», которая должна была лечь в основу русской самобытной культуры. Прерванное Регламентом Петра I и указами 1787 и 1808 гг., возобновляется издание святоотеческих книг. Под началом митрополита Филарета Московского эта работа объединила вокруг себя таких известных деятелей культуры того времени, как Шевырев, Погодин, Максимович, братья Киреевские, издатель «Маяка» Бурачек, Аскоченский, Норов, Муравьев и впоследствии Л. Кавелин (архим. Леонид), Карл Зедергольм (о. Климент) и Т. И. Филлипов. Участвовал в проекте и Н. В. Гоголь. Деятельность оптинской «аскетико-филологической школы» имела большое значение: с нею наступал поворот, преодоление описанного о. Георгием Флоровским «западного пленения» русского богословия, когда труды Отцов воспринимались в основном через «посредство немецкой и латинской учености» [20, с. 501].

Именно в святоотеческом предании Гоголь черпает идеи о цельности духовной культуры, ее религиозном обосновании, об устроении человеческого общества на основах церковной соборности, о преображении мира путем внутреннего просветления человека, которые прозвучали в его «Избранной переписке с друзьями». Именно в Оптиной он окончательно убеждается в ре-

лигиозном призвании России, в том, что смысл национального бытия России — религиозный: она страна мессианская, призванная распространить по всему миру Свет Христова Просвещения.

Но самым главным достижением русского старчества была совершенная самоотреченная любовь, которую дарили миру их великие сердца. Русский народ любил монастыри как свои народные святыни. И старцы отвечали на эту народную любовь. Прежде всего имеется в виду это умение, духовный дар религиозно говорить с народом, удовлетворять по возможности всем запросам народной души, и казалось, что монашествующие при этом отступили как бы на второй план. В Оптиной пустыни целые корпуса построили для приезжающих к старцам мирян, и старцы от зари до зари принимали их, отдавая лишь вечера своей братии. Леонид Оптинский, со своим удивительно ярким и всегда самобытным словом убеждения, доказывал, что доля старца — быть на служении всему человечеству. Когда, например, о. Леонид говорил, что он ничего более не желал бы, как возможности сидеть тихонько в своей келии, и только любовь к людям заставляла его постоянно принимать посетителей, то он точно выражал настроение и всех других старцев. Для русского старчества характерно отсутствие какого-либо показного благочестия при строгости к разрушителям православия, жизнерадостность в отношениях с людьми при спрятанности внутренних борений; эта святая простота, нелюбовь к высокопарности, житейская опытность и есть все покрывающая любовь, прощающая, милующая любовь, которой так не хватает в мире. И еще одна черта, очень важная для нашего времени, — «историческая жизнерадостность». Все старцы оптинские говорили и писали о грядущих бедствиях, их пророчества были очень конкретные, и многие из них уже сбылись, но тон пророчеств, общее настроение при разговорах об испытаниях и даже о конце времен неизменно проникнуты упованием на милость Божию к верующим. Старцы верили в будущее духовное возрождение России и повторяли, что при любых скорбях надо помнить, что «любящим Господа все содействует ко благу» и «вообще всякое торжество зла над добром бывает только мнимое временное», потому что «зло уже побеждено самим Спасителем нашим Сыном Божиим Иисусом Христом» [21, с. 120].

Гоголь трижды посещает Оптину Пустынь. В первый приезд он пробыл в монастыре 3 дня. Писатель познакомился с игуменом Моисеем, старцем Макарием, монастырской братией. Уже после первого посещения Оптиной Пустыни Гоголь совершенно меняется. Он обнаруживает совершенно иной мир, в котором борьба зла и добра предрешена победой добра, где не нужно добиваться любви — она дается тебе даром, где душевная красота не грозит обернуться химерой. «Блестит вдали какой-то луч спасения, — говорит он в письме, — святое слово — любовь. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде» [22]. Он знакомится с монастырем, его историей, посещает скитскую библиотеку, зна-

менитую своими замечательными рукописями, в том числе болгарскими переводами восьмидесяти постнических слов св. Исаака Сирина, писанными на Афоне еще в 1389 г. Позднее, в 1851 г., на полях первого тома «Мертвых душ» (экземпляра, принадлежавшего графу А. П. Толстому) Гоголь оставил замечание, свидетельствующее о том огромном впечатлении, которое произвело на него знакомство с творениями преподобного Исаака Сирина: «...Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравая психология и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимание природы души» [23]. Оптина Пустынь и рукописи творений преподобного Исаака Сирина стали тем духовным источником, припав к которым Гоголь словно прозревает. Он становится, по собственному выражению, «умнее» и испытывает раскаяние за «гнилые слова», ставшие проявлением его «человеческой гордости» — желания пощеголять словом. Беседы со старцем Макарием укрепляли желание Гоголя изменить направление своего таланта. Последний, третий раз, Гоголь был в Оптиной Пустыни 23–25 сентября 1851 г. проездом из Москвы. В это последнее посещение Оптиной Пустыни писатель встречался и беседовал с о. Макарием не один раз. Гоголь решает стать монахом, молитвенником за всех, за все скорби и грехи людские. Он обращается за разрешением остаться монахом в Оптиной Пустыни к о. Макарию, но получает отказ.

Гоголь был мистически настроенный человек, доходивший в религиозной экзальтации до крайнего суеверия; монахи Оптиной Пустыни были поражены набожностью великого светского писателя, тщательностью и аккуратностью, с которой он подходил к исполнению религиозных обрядов. Но монашество — это уже осуществленный выбор, а Гоголь до последних дней своих оставался на перепутье. Его талант писателя-сатирика находился в противоречии с духовными его устремлениями, не позволял оторваться от земли. И в этом истоки трагедии Гоголя. Пожалуй, лучше всех понял это мучительное для писателя состояние раздвоенности В. А. Жуковский. В марте 1852 г. он с горечью писал П. А. Плетневу: «...Его (Гоголя) болезненная жизнь была и нравственным мучением. Настоящее его призвание было монашеское... Его творчество, по особенному свойству его гения, в котором глубокая меланхолия соединялась с резкой иронией, было в противоречии с его монашеским призванием, ссорило его с самим собой. По крайней мере, так это мне кажется из тех обстоятельств, предшествовавших его смерти, которые вы мне сообщили. Гоголь, стоящий четыре дня на коленях, не вставая, окруженный образами (говорящий) тем просто, которые о нем заботились: “Оставьте меня, мне хорошо”... Путь, которым он вышел из жизни, был самый успокоительный и утешительный для души его» [24].

Гоголь умер 21 февраля (4 марта) 1852 г. За несколько часов до смерти, по свидетельству доктора Тарасенкова, он закричал громко: «Лестницу, поскорее давай лестницу!» Он тщетно пытался приподняться повыше... Куда стремился он в последние минуты своей жизни?

Та ли это башня из слоновой кости, на которую хотел взобраться Флобер, чтобы не видеть человеческой пошлости? Или это что-то другое, далекое от человеческой гордыни, та подлинная высота человеческого духа, к которой мы стремимся всю свою жизнь, но только избранные единицы обретают ее в земном существовании?

Так певцом чего же был Гоголь — света или тьмы? Он смог выразить то напряжение, которое создают эти два полюса, и в этом была его сильная сторона как художника. Он был разрываем противоречиями, и только на этом разломе, возможно, и могли родиться такие потрясающие по глубине и красоте строки и образы. Но человеку было невыносимо выдерживать это напряжение. В своем творческом пути, исполненном постоянной внутренней неудовлетворенности, чередой взлетов и падений, разрываясь между верой и отчаянием, смирением и гордостью, Гоголь сумел сделать выбор в пользу света, сжечь вместе со вторым томом «Мертвых душ» свою прошлую жизнь. Воспитанный в православной, религиозной семье, хотя и в несколько экзальтированной обстановке, он устремился к свету, а светская русская культура осталась просто-напросто чуждой всем этим пластам духовного опыта, она пошла по пути, о котором написал В. Белинский в своем «Письме к Гоголю», и цена этого выбора оказалась весьма высокой. Вектор отклонился... В «Бесах» Ф. М. Достоевский уже точно определяет, куда «несется» Русь... Но ведь кто тогда мог знать, что гоголевская «тройка» обернется для России химерой партийных большевистских «троек»! Гоголь не знал, но интуитивно угадывал и сумел с помощью писательского дара гениально передать эту тревогу и ужас от предчувствия будущего. И сейчас, спустя 200 лет, измученная революциями и войнами, поруганная и осмеянная, такая не похожая на гоголевскую и пушкинскую, в монастырях и храмах, поднимающихся из руин, сегодняшняя Россия смиренно стоит на коленях и еле слышным шепотом, обратившись все к тем же своим святым и старцам, повторяет одну-единственную гоголевскую фразу: «Пожалуйста, ради Христа, помолитесь обо мне».


1. *Блок А.* Дитя Гоголя // *Блок А.* Собр. соч.: в 3 т. М., 1999. Т. 3.
2. *Розанов В.* Избранное. Мюнхен, 1970.
3. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.–Л., 1937.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. *Мочульский К.* Духовный путь Гоголя // Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
8. *Гоголь Н. В.* Указ. соч.
9. 1 Ин. – 4: 17–18.
10. *Гоголь Н. В.* Указ. соч.
11. Там же.
12. Там же.
13. *Мочульский К.* Указ. соч.
14. *Гоголь Н. В.* Указ. соч.
15. Там же.
16. Там же.

17. *Розанов В.* Указ. соч. С. 442.
18. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 9 т. М., 1936. Т. 6.
19. *Гоголь Н. В.* Указ. соч.
20. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
21. *Муравьев А. Н.* История русской Церкви. М., 2002.
22. *Гоголь Н. В.* Указ. соч.
23. Там же.
24. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2000. Т. 15–20.